

ОТ РАСПАДА ПУБЛИЧНОСТИ К НОВОЙ *RES PUBLICA*?

На протяжении последних двух десятков лет в России предпринимались попытки сформировать демократический политический режим (демократическую республику) с соответствующей ему сферой публичной политики. Сделать это оказалось далеко не так просто, как, возможно, казалось вначале. Почему так произошло? В исследовании Р. Сеннета «Падение публичного человека» содержится весьма интересный ход мысли, который во многом представляется применимым к анализу ситуации в современной России. Однако вначале изложим позицию привлекаемого нами автора.

Согласно Сеннету, Запад на протяжении XIX – первой половины XX в. пережил процесс становления, а затем и падения публичной сферы. Публичная сфера, сформировавшаяся в городах в первой половине XIX в. и отличавшаяся наличием в ней безличных норм социального и политического поведения, с течением времени пришла в упадок.

Как причиной, так и следствием этого упадка было формирование типа личности, отличного от личности публичной. Если первая осознавала себя через призму взгляда другого, была во многом конституирована безличными правилами поведения публичной сферы, то личность эпохи падения публичности осознавала себя как «личность-самость». И эта личность-самость оказалась неспособной оценивать что бы то ни было иначе, как через призму личных предпочтений, эмоций, вкусов и т.д. Если публичная личность ценила качество игры по правилам, то «личность-самость» уже ценила только искренность этой игры. В итоге новый тип личности во многом оказался гораздо более детерминированным социальной ролью человека, чем старый. Он стал относиться к ней слишком серьезно, она стала существенной частью его самости. Социальные отношения стали пропитываться «тиранией интимности».

В политике падение публичной сферы и торжество «тирании интимности» означало деградацию *res publica*. Раньше подра-

* *Фишман Леонид Гершевич* – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

зумевалось, что важно программное содержание речей политика и его реальные действия. Но с точки зрения восторжествовавшей личности-самости более важной стала искренность политического деятеля, подлинность переживаемых им чувств, то, что этот деятель – «хороший человек» или «свой парень». Выражаясь терминами Р. Сеннета, «харизма стала нецивилизованной»¹, а заикленность на искренности и эмоциях привела к тому, что люди постепенно утратили вкус к действительному участию в делах *res publica*.

Зато они начали уделять большее внимание участию в жизни своих территориально-локальных, политических или корпоративных общин. Там они искали более интимных и доверительных отношений, чем те, которые были в публичной жизни. В итоге и в общинах возобладала тирания интимности, что способствовало одновременно их сплочению и утрате цивилизованности. В случае столкновения с другой общиной или с политико-административными институтами нецивилизованные общины стали проявлять все большую степень нетерпимости, склонности к монополизации морального авторитета, ожесточения во внешних и внутренних конфликтах. И это является другой стороной деградации *res publica*.

Возникает вопрос – какое отношение все это имеет к России? Самое прямое, поскольку если мы проследим процесс формирования личностной составляющей советского строя и постсоветского образа жизни, то легко сможем обнаружить в нем ряд явлений, параллельных описанным выше.

Советский строй тоже замышлялся как нечто подобное *res publica*. В нем также была сфера публичной политики, подчиненная ряду безличных правил, ритуалов и норм поведения. Советского человека воспитывали поэтому как *сознательного*², т.е. понимающего связь собственных действий и убеждений с общественным благом.

Правда, сфера публичной политики с самого начала была весьма ограниченной и загнанной в узкие партийные и «общественные» рамки. С одной стороны, всякий советский человек должен был в ней принимать участие, но с другой, это участие было чаще всего формальным, требующим только соблюдения ритуала.

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2003. С. 305-336.

² Хархордин О. Обличать и лицемерить. СПб.; М., 2002. С. 291-363.

Поэтому на уровне публичной политики не было места для того типа личности, который сформировался на Западе до воцарения там «тирании интимности».

Зато на уровне трудовых коллективов, своего рода аналогов западных территориальных и корпоративно-профессиональных общин, эта самая «тирания интимности» расцвела пышным цветом. И данный факт неоднократно отмечался современниками как в политической, так и в социологической, и в художественной литературе. Коллектив стал для советского человека местом, где тесно переплелись межличностные и профессиональные отношения; с ним же по большей части были связаны и надежды на личную самореализацию. Взаимоотношения эти в коллективах были часто очень запутанными, эмоционально насыщенными, отнимающими львиную долю человеческой жизни и сил, чреватые настоящим «братоубийством» (по выражению Р. Сеннета³). В этом смысле советская община-коллектив изначально имела сильный элемент «нецивилизованности».

Здесь следует отметить еще одну параллель с процессами, происходившими на Западе в период «падения публичного человека». В советский период к человеку предъявлялось требование быть не просто индивидом, сведущим в делах *res publica*. Требование сознательности включало в себя еще и требование быть личностью, поскольку только полноценная личность может осознавать социальное окружение, находить в нем свое место, реализовываться в обществе. Поскольку сфера публичной политики была ограниченной и ритуализированной, интересы личности смещались в сторону частной, коллективной (общинной), профессиональной жизни. В этих сферах жизни личность должна была *самореализоваться*. В этом были единодушны и психологи, и социологи, и педагоги, и писатели и прочие «инженеры человеческих душ». В итоге так же, как и на Западе, в СССР сформировался тип «личности-самости», для которой любой объект из внешнего окружения значил что-либо только в том случае, если он затрагивал какие-то струны ее души, возбуждал какие-то интимные чувства.

³ Сеннет Р. Падение публичного человека ... С. 336-339.

Так же, как и на Западе, в СССР сформировался и облик политической сферы, характерный для эпохи падения публичности. Прежде всего начиная со времен Сталина, если не раньше, высокая политика стала стремительно приобретать черты «политики личности». То, что пресловутый «культ личности» Сталина был заклеен Хрущевым, несколько не изменило ситуации. И в дальнейшем, вплоть до распада Советского Союза, политические лидеры самых разных уровней воспринимались исключительно в свете их личностных качеств, о чем свидетельствовало немалое число ходивших про них анекдотов. Если же некоторые из этих лидеров обладали определенным рода харизмой, как Хрущев или Ельцин, то харизма эта была вполне «нецивилизованной».

При всем сказанном выше, как «нецивилизованность» советских коллективов-общин, так и «нецивилизованность» политической харизмы, до некоторой степени умерялась хотя и ограниченной, но все-таки публичной сферой, существовавшей при советском строе. Наличие партийной программы, идеологического метапроекта, многочисленных, хотя и формальных, ритуалов поведения отчасти компенсировали проявления «нецивилизованности» и «тирании интимности». Можно даже сказать, что «тирания интимности» советского образца сочеталась с «тиранией публичности».

Тем не менее, распад советского строя начался во многом потому, что довольно большой части советских людей специфический сплав «тирании интимности» с формализованной публичной сферой стал казаться трудно выносимым. Если публичная сфера советского режима и умеряла «тиранию интимности», то в то же время она заставляла человека делать много такого, чего делать ему было неприятно. Формируя личность, эта сфера заставляла человека, по выражению О. Хархордина, «обличать и лицемерить». А для формирующейся «личности-самости» лицемерие было крайне болезненным, ибо ставило под угрозу самореализацию. Поэтому в период перестройки давно тяготевшая необходимостью лицемерно играть по правилам интеллигенция восстала против советской тирании публичности и на некоторое время увлекла за собой остальное население.

Что предлагалось вместо советского варианта сочетания публичной и не публичной сфер жизни? В сущности, предполагалось, что сфера публичной политики будет реформирована по образцу

давно уже умершей на Западе *res publica*. Коллективная «тирания интимности» вообще подлежала разрушению рыночной экономикой в пользу «нормальной» частной жизни и «цивилизованного «гражданского общества». Этот проект удался только отчасти и не для всех.

Публичная политика не укоренилась в России с самого начала реформ. Оказалось, что у постсоветского человека весьма слабо выражена способность оценивать политиков и политические партии по их программам и конкретным действиям. На сцену вышли теперь уже ничем не сдерживаемые «нецивилизованные харизматики», начиная с президента Ельцина и заканчивая политиком Жириновским и другими деятелями оппозиции. Они хотели, чтобы за них «голосовали сердцем», и их желание удовлетворялось. Поэтому ни партийной системы, ни соответствующих ей идеологий, характерных для настоящей *res publica*, в пореформенной России не получилось. Политические действия стали в еще большей степени определяться межличностными связями, чем это было прежде. Точно так же через призму личности и личного восприятия, стало осмысливаться и прошлое: идеологические дискуссии быстро уступили место более или менее занимательному рассказу на историческую тему «а ля Радзинский» или «а ля Парфенов».

В то же время не оправдалась и надежда на замену коллективно-общинной «тирании интимности» гражданским обществом. Действительно, часть советских граждан, прежде часть интеллектуальной, артистической и бизнес-элиты, вырвались из-под этой тирании. Другая часть получила возможность жить челноничеством и вообще всем, на чем можно заработать, лишь бы не докучать государству. Стало возможным даже говорить о том, что пореформенная Россия являет собой уникальный образец анархического общества, где власть и население заключили негласный договор: власть дает всем «волю», а народ выживает сам по себе и ничего от власти взамен не требует. Означало ли это конец «тирании интимности»? Вряд ли, поскольку для большинства советская коллективная общинность просто сменилась другой или даже формально осталась прежней. И раньше, кроме друзей и разделяемых с другими хобби, семьи и работы, у большинства людей ничего не было. Но теперь это стало наиболее ценным. А так как в условиях анархического общества, пытающегося жить по законам рынка (да

еще и при деградации публичной сферы), потребность в доверительном общении еще более возросла, это скорее способствовало усилению «тирании интимности», которую теперь называют корпоративным духом.

Режим В. Путина явился органическим следствием произошедшего в эпоху Ельцина распада публичной сферы и усиления «тирании интимности». Путин только симулировал попытку установить минимум формальных правил игры. Он взял на вооружение лозунги «диктатуры закона» и «укрепления властной вертикали», в настоящее время связанные с борьбой против терроризма. Но в силу своей неопределенности, они никак не могут реанимировать сферу публичной политики (даже напротив, используются для ее дальнейшего сужения).

Для реанимирования публичной политики нужны три вещи: изменение политического дискурса, типа политических деятелей и восприятия их народом. Политический дискурс должен предлагать обществу масштабные проекты для обсуждения; политические деятели – отождествлять себя с этими проектами в большей степени, чем с личностными качествами; народ – оценивать не столько личности политических деятелей, сколько их программы и действия. Точно так же должно измениться и отношение к истории, к смыслу того, что происходило с нами и нашими предками в прошлом. А это – смысл не только сугубо личный, как пытаются сейчас нам представить авторы популярных программ, вроде Парфенова, или авторы популярных фильмов (вроде «Штрафбата», «Папы» и т.д., и т.п.).

Ничего подобного мы в настоящее время не видим. Напротив, вместо масштабных проектов – призыв догнать Португалию; вместо публичных политических лидеров в российской политике преобладают деятели, которые своими главными достоинствами считают личные и профессиональные качества, а народ в этом с ними вполне солидарен. В области культуры набирает силу стратегия отказа от попыток понять что-либо, кроме того, что преломляется через личное восприятие «маленьких» и «больших» людей.

В последние несколько лет, правда, разворачиваются и процессы, которые могут свидетельствовать о формировании предпосылок для становления нового внеличного публичного про-

странства. Это, вероятно, развитие Интернета и связанных с ним политических сетевых инициатив. Далее, можно отметить появление в российской политической мысли авторов, предлагающих проекты масштабного преобразования нашего общества. В культуре – это, возможно, рост популярности компьютерных и ролевых игр (а игра – это сфера с принципиально внеличностными правилами, т.е. важный элемент подлинной публичности). Будут ли способствовать все эти сдвиги становлению новой res publica – покажет время.